ужасѣ жизни и... спасти эту жизнь. Ему, забитому и до вѣчной дрожи запуганному страшностью судьбы своей, человѣческой же, вѣдь, судьбы, кажется, что если выговорить все это понятными словами, всѣ поймутъ, все устроится. Онъ ютится въ углахъ, служитъ половымъ въ гостинницѣ, носитъ стихи по редакціямъ, надъ нимъ смѣются, не понимаютъ, гоняютъ. „Не скрывая презрѣнія, редакторъ съ перваго же слова почти завопилъ на Ѳедора: — Да что̀ вы хотите? Что такое вы тутъ выводите? Что вамъ хочется сказать? — Я... — Что богатые — богаты, бѣдные бѣдны? Да? — Я... — Что бѣдные — такіе же люди, какъ и богатые? Такъ? А? Да? — Такъ... — Что несправедливо обижать, заѣдать? Да? Это? Потомъ — кисельные берега, молочныя рѣки... Всеобщій лимонадъ-газесъ? Такъ? — Я этого не писалъ... Я тамъ“...

Наконецъ, въ меблированныхъ комнатахъ, въ немъ принимаетъ участіе добрая дѣвушка. Она, со словъ повѣсти Ѳедюшки, пыталась успокоить его тѣмъ, что не съ нимъ однимъ такія неудачи, указывала ему, какъ умѣла, на большихъ, крупныхъ поэтовъ, великихъ людей... Ѳедоръ, не произнося ни слова, напряженно-внимательно вслушивался въ ея рѣчи — вѣдь ничего онъ этого не зналъ. Не зналъ онъ, что и до него писалось — и Боже мой сколько! — стиховъ на тѣ же темы, что и до него были люди, знавшіе бѣду и желавшіе помочь общему горю... Ничего онъ этого не зналъ и только ужасался, слушая эти разсказы. Когда разсказчица прочла ему два—три сильныхъ стихотворенія, касавшихся поглощеннаго Ѳедора предмета, онъ заревѣлъ и проговорилъ: — И ничего? — Что ничего? — Такъ ничего и послѣ этого?.. — *Покуда ничего*... Ѳедоръ ревѣлъ“.

Испуганъ онъ былъ прошлымъ и еще больше испугался теперь, узнавъ, что „*покуда ничего не вышло*“. Онъ окончательно ошалѣлъ, и всѣ жильцы комнатъ думали, что онъ худо кончитъ... И дѣйствительно, Ѳедюшка какъ-то на улицѣ наткнулся на „редактора“, тотъ съ жалости сунулъ ему „деньги“, Ѳедюшка взялъ, самъ не зная какъ, и ужаснулся того, что сдѣлалъ, напился и, протрезвѣвъ, испугался до смерти себя, и отъ этого испуга самого себя уморилъ себя голодомъ...

„И ничего“—„покуда ничего“, вотъ результаты подвига неимовѣрныхъ усилій Толстовской воли. Смертный испугъ себя самого и, быть-можетъ, эта „голодная смерть“ какъ символъ, вотъ исходъ